

**Слова на Святую Пасху
святитель Григорий Нисский**

О тридневном пребывании Господа нашего Иисуса Христа между смертью и воскресением («Слово 1-е о воскресении Христовом»)

Если какое благословение, данное патриархам Духом Божественным, подтвердилось, если какое благо, обещанное духовным законодательством, исполняющим оное ожидается, если в загадочных событиях (Священной) истории усматривается верою некое предначертание истины, если какой пророческий голос благовествовал о сверх-естественном; то все сие есть дело настоящей благодати. И как в предлежащем нашим глазам зрелище наши взоры озаряет один свет, соединяющийся от бесчисленных светильников; так и все Христово благословение, само по себе блистающее, на подобие пламенника, проливает нам сей великий свет, сливающийся из многих и различных лучей писания. Ибо от каждого из боговдохновенных указаний можно заимствовать что либо приличное настоящему празднеству. Спросишь ли о смысле благословения Авраамова? (Быт. 26, 4.), Найдешь искомое, взирая на настоящее. Видишь ли звезды небесные, – я говорю о звездах, от Отца нашего прекрасно воссиявших и соделавших Церковь целым небом, – о звездах, благодать от которых, озаряющую душу, означают лучи светильников? И называющий их по истине чадами Авраама, родившимися ему по обетованию, небесным звездам подобными, не погрешит против истины. Удивляешься ли возвышенному Моисею, силою ведения объявшему все Божие творение? Вот тебе благословенная суббота первого миротворения. Чрез ту субботу познай сию субботу, день успокоения, который Бог благословил преимущественно пред иными днями. Ибо в оный истинно успокоился от всех дел своих Единородный Бог, промыслительным восприятием смерти субботствовавший плотию, и опять возшедши туда, где был, воскресением совоскресил с Собою все лежащее, соделавшись жизнью, и воскресением, и востоком, и днем для сидящих во тьме и сени смертной (Ис. 9, 2). (Священная) История полна (примерами) подобного благословения. Отец Исаака не щадит сего возлюбленного; единородный соделывается приношением и жертвою, и вместо него закалается агнец (Быт. 22, 1–13): в этом повествовании можно видеть все таинство благочестия, Агнец зацепляется за дерево, «держимый рогами»; единородный для себя самого несет дрова ко всеожжению: видишь ли, как все носящий «глаголом силы» Сам и несет бремя наших дров (т. е. грехов), и дровом

воспринимается, неся как Бог, и возносимый как Агнец? так Дух Святой образно разделил великое таинство между обоими – возлюбленным сыном и вместе указанным агнцем, чтобы показать в агнце таинство смерти, в единородном же – жизнь, неразрушаемую смертью. Если хочешь взять и самого Моисея, воздеянием рук изображающего крест и сим знамением обращающего в бегство Амалика (Исх. 17, 11–13), то можешь видеть осуществление сего образа, и Амалика – покоряющимся кресту. Имеешь и Исаию, не мало приносящего тебе для уяснения настоящей благодати. Ибо от него ты преднаучен о безневестной матери, о безотчей плоти, о безболезненной болезни раждающей, о нескверном рождении. Так говорит пророк: «се дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть сказуемо: с нами Бог» (Ис. 7, 14; Матф. 1, 23). Что же касается до того, что деторождение было безболезненно, то прежде узнай, что так и надлежало сему быть. Так как всякое наслаждение соединено с страданием, то совершенно необходимо, чтобы когда из (сих) двух нераздельно мыслимых состояний, нет одного, не было и другого; посему где страстное удовольствие не предшествовало рождению, там не последовало и болезни (рождения). Потом эту мысль подтверждает и пророческое слово, говоря так: «прежде неже приити труду чревоболения, избеже и породи мужеск пол» (Ис. 66, 7); или, как сказал другой толкователь, прежде нежели мучилась родами, родила. От этой, говорит пророк, Девы Матери, «Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам, егоже началство бысть на раме его: велика совета Ангел» и так далее (Ис. 9, 6). Сие отроча, сей сын «яко овча на заколение ведеса, и яко агнец предстригущими его безгласен» (Ис. 53, 7), лучше же, как сказал Иеремия, он «яко агня незлобиво ведомо на заколение» (Иер. 11, 19). Он есть тот "хлеб", в который «влагают древо» враги хлеба и древа (Иер. 11, 19). Наиболее же очевидное и ясное указание получаем от пророка, чрез которого ясно преднаписано таинство, – говорю об Ионе, безвредно сокрывшемся в ките и без болезни изшедшем из кита, и тремя днями и столькими же ночами, (проведенными) во внутренностях кита, преднаписавшем пребывание Господа во аде (Ион. 2, 1–11). Сие и сему подобное надлежало бы изыскивать и выбирать из каждой книги Писания; ибо все сие видишь в настоящем. На настоящем светлом празднестве «весь закон и пророцы висят» (т. е. утверждают), как говорит негде Евангелие (Матф. 22, 40), и всякое Боговдохновенное слово и закон, по слову Павла, совершаются в сей благодати (2Тим. 3, 16). Ибо здесь и конец страданий и начало благ. Скажу например, – «царствова смерть от Адама, получив начало тлетворной силы; но ея злая держава продолжилась и до Моисея»

(Рим. 5, 14), и закон нисколько не обуздал злое могущество смерти. Пришло царство жизни, и разрушилась держава смерти; явилось иное рождение, другая жизнь, иной образ жизни, претворение самой природы нашей. Сие рождение «не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася» (Иоан. 1, 13). Как же это? Ясно выскажу и представлю тебе сию благодать. Сей плод верою чревоноситеся, возрождением крещения изводится на свет; кормилица его есть Церковь, сосцы, – наставления; пища, – хлеб свыше; совершение возраста, – высокая жизнь; брак – сожитие с мудростию; чада, – надежды; дома, – царство; наследие и богатство, – наслаждение в раю, конец же, – вместо смерти, жизнь вечная в блаженстве предстоящем святым. И великий Захария видит сие начало перемены к лучшему и сомневается о наречении имени: как должно надлежащим образом назвать настоящую благодать; потому что перечисляя другие чудеса, относящиеся к страданию, говорит и то о сем времени, что оно «не день и не ночь» (Зах. 14, 7), чрез что показывает, что оно не может быть названо днем; потому что нет солнца, и не есть ночь; потому что нет тмы; ибо как говорит Моисей: «Бог... тму нарече ночь» (Быт. 1, 5). Итак поелику по времени – ночь; по свету же – день; то пророк и сказал: «и не день, и не ночь».

Если же сие время, по слову пророка, не есть ночь, то настоящая благодать именуется и есть нечто совершенно иное в сравнении с сим. Хотите ли скажу, что мне пришло на мысль? «Сей есть день, его же сотвори Господь» (Псал. 117, 24), он, – иной, отличный от дней созданных в начале (Быт. 1, 5). Ибо в сей день творит Господь новое небо и землю новую, как говорит пророк (Ис. 65, 17). Какое небо? Твердь веры во Христа. Какую землю? То есть благое сердце, как сказал Господь, – землю пьющую падающий на нее дождь и плодоносящую обильный колос (Евр. 6, 7). В сем творении солнце есть чистая жизнь, звезды – добродетели, воздух – светлая общественная деятельность; море – глубина богатства мудрости и знания, травы и произрастения – доброе учение и божественные догматы, на которых пасется народ паствы, то есть стадо Божие; плодоносные деревья – исполнение заповедей. В сем творении созидается истинный человек, по образу и подобию Божию. Не новым ли миром кажется тебе сие начало, – «день, егоже сотвори Господь» (Пс. 117, 24), – день, о котором говорит пророк Захария, что он ни день сравнительно с другими днями, ни ночь сравнительно с другими ночами? Но наше слово еще не возвестило превосходнейшего о настоящей благодати. Она уничтожила скорбь смертную; она произвела первенца из мертвых; ею сокрушены железные врата смерти; ею уничтожены медные

запоры ада. Ныне отверзается темница смерти; ныне пленным возвещается освобождение; ныне слепым дается прозрение; ныне сидящих во тьме и сени смертной посещает Восток свыше (Лук. 1, 58; Ис. 9, 2). Желаете ли узнать что-нибудь и относительно тридневного срока? Довольно узнать только то, что для всемогущей Премудрости, бывшей в сердце земли, для Господа, довольно было и столь малого промежутка времени, чтобы оный великий ум, в ней обитающий, обьюродел; ибо так именует его пророк, называя его великим умом и князем Ассирийским (Ис. 10, 12). Итак поелику сердце есть некоторое жилище ума: ибо в сердце пребывает, как думают, властвующая сила души; то посему Господь нисходит в сердце земли, которое заменяет небесное жилище для онога ума, чтобы соделать безумным его совет, как говорит пророк (Ис. 19, 11), уловить мудрого в коварстве его и обратить против негоже его лукавые предприятия (Иов. 5, 12–13). Начальнику тьмы невозможно было приблизиться к пришедшему чистому свету, если бы он не узрел в нем некоторой части плоти; по сему как скоро увидел богоносное тело, а вместе увидел и содеваемая самим Божеством чудеса, то возимел надежду, что если чрез смерть овладеет плотию, то овладеет и всею в ней находящеюся силою. И посему проглотив приманку плоти, пронзается удою божества, и таким образом змий приведен удою, как сказал Иов, предвозвестивший имевшее быть чрез него, говоря: «извлечеси ли змия удицею» (Иов. 40, 20). Послушаем же у пророка, что замышляло против вселенной самое сердце земли, когда разверзло пасть на Господню плоть. Что говорит ему в обличение Исаия? «Ты же рекл еси... в сердце твоём: на небо възду, выше звезд небесных поставлю престол мой... и буду подобен Вышнему» (Ис. 14, 13–14). Так замышляло о себе злое сердце. А как еще прежде сей великий во зле ум, злой Ассириянин, рассуждал с собою, о том опять послушаем слова Исаии: «сие рече: крепостию руки моя сотворю, и премудростию разума моего отиму пределы языков, и силу их пленю, и сотрясу грады населенья, и вселенную всю объиму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яйца возму: и несть, иже убежит мене, или противу мне речет» (Ис. 10, 13–14). С такою надеждою он принимает в себя Того, кто по человеколюбию низшел в дольняя земли. А что с ним было вместо того, чего надеялся, о том ясно повествует пророчество, говоря о его страдании: «како спаде с небесе денница... сокрушися на земли» тот, которому подостлана "гнилость", которого одеждою служит покров из червей (Ис. 14, 11–12), и прочее, что говорится о его погибели, что желающий может с точностию узнать из самых писаний; мне же нужно обратиться опять к цели слова. Для того истинная Премудрость и посещает велеречивое сие сердце земли,

чтобы уничтожить в ней великий во зле ум и просветить тьму; чтобы смертное было поглощено жизнью, а зло обратилось в ничтожество, по истреблении последнего врага, который есть смерть (1Кор. 15, 26). Вот что совершено для тебя в тридневный срок. Не медлительна благодать? Не в очень продолжительное время совершено такое благо? – Желает ли знать могущество силы, совершившей (столь многое) в столь краткое время? Изчисли мне все мимошедшие поколения людей, (начиная) от первого появления зла (в мире) и до его уничтожения: сколько человек в каждом поколении и сколько тысяч можно их насчитать? Не возможно обнять числом множеств тех, в которых по преемству распространялось зло; худое богатство порока, разделяясь каждому из них, каждым увеличивалось, и таким образом плодородное зло перешло в непрерывно следующие поколения, разливаясь по множеству людей до бесконечности, пока, дошедши до самого крайнего предела, овладело всем человеческим естеством, как прямо сказал пророк о всех вообще: «все уклонишася, вкупе неключими быша» (Псал. 13, 3), и не было ничего в сущем, что не было бы орудием зла. Итак уничтоживший в три дня такое скопление зла, собиравшееся от устройства мира до совершения нашего спасения чрез смерть Господа, – ужели малое дал для тебя доказательство превосходной силы? Не сильнее ли оно всех (упоминаемых) в священных повествованиях чудес? Ибо как чудо Самсона тем особенно велико, что он не только одолел льва, но и без труда умертвил его голыми и невооруженными руками, как бы шутя разорвав зверя; так и то, что Господь без всякого труда уничтожил такую злобу, есть наисильнейшее доказательство превосходного могущества. Не потоки неизмеримых вод, с верхних стремнин падающие вниз, ни бездны, переполняющие собственные пределы и морями наводняющие землю, сокрывающие в глубине вод всю вселенную, подобно кораблю с людьми, делающие подводными горы и затопляющие вершины гор, ни потоки пламени по подобию Содома, огнем очищающие развращенное, ни чтонибудь другое подобное, но одно простое и непостижимое пришествие Жизни и присутствие Света для сидящих во тме и тени смертной, произвело полное исчезновение и уничтожение тмы и смерти. Прибавить ли чтонибудь еще к сказанному? Зло зародилось в змие; искушением змия побеждена жена; за тем женою побежден муж; зло получило бытие чрез троих. К чему я воспоминаю об этом? Из порядка в зле можно уразуметь некоторый порядок добра. Замечаю сии три сосуда зла: первый, в котором (зло) сначала образовалось; второй, в который перешло; третий, в котором после возрасло. Итак поелику зло распространилось в сих трех (сосудах),

то есть в диавольском естестве, в женском поле, и в совокупности мужей; то посему и болезнь уничтожается соответственно с сим в три дня; каждому роду заболевших злом на врачевание отделяется один день: в один день освобождаются от болезни мужи; в другой – врачуетя женский пол; в последний, упраздняется последний враг, – смерть и вместе с ним уничтожаются его сопутники: начала, власти и силы враждебных и первенствующих сил (зла). Не удивляйся, что создание добра разделяется временными промежутками. Ибо и при первом произведении мира божественная сила не слаба была, чтобы во мгновение совершить все сущее; но не смотря на то при созидании сущего определила быть и временным промежуткам. И как там, в первый день совершена часть творения, а во второй – другая, и за тем по порядку таким же образом совершено все сущее, так что Бог в определенные дни благоустроил все творение; так и здесь по неизглаголанной мысли его премудрости, в три дня изгоняется зло из существующего, – из мужей, из жен и из рода змий, в которых первых получило бытие естество зла.

Впрочем о причине числа дней мы только предполагаем это; верно сие или нет, оставим на суд слушателей; ибо слово (наше) не есть решение, но упражнение и изыскание. Если же хочешь точно узнать определенный срок этих дней страдания, (ибо в числе не малаго не достанет, если станешь считать время с девятого часа пятницы, в который (Господь) предал дух в руки отчие); то несколько помедли, и может быть слово объяснит тебе это. Какое же слово? Обрати взор на величие божественной силы, и узнаешь то, о чем здесь спрашиваешь. Вспомни об изречении Господнем, что объявляет о Себе имеющий державу над всем, как самодержавною властью, а не по необходимости естественной Он разлучает душу от тела. Он говорит: «никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе: область имам положити ю, и область имам паки прияти ю». (Иоан. 10, 18). Как скоро это мне твердо известно, то и искомое уясняется. Ибо всем Правящий со владычним самовластием не ждет принуждения (к страданию) от предательства, не ожидает для того разбойнического нападения Иудеев, ни незаконного суда Пилатова, чтобы их злоба была началом и причиною общего спасения людей; но своим домостроительством сам предупреждает их наступление способом священнодействия неизреченным и людьми невиданным, самого Себя приносит в приношение и жертву за нас, будучи вместе священником и агнцем Божиим, вземлющим грех мира. Когда же это? Когда предложив ядомое тело Свое в пищу, ясно показал, что жертвоприношение агнца уже совершилось. Ибо жертвенное тело не было бы пригодно к ядению, если

бы было еще одушевлено. Итак когда (Господь) преподал ученикам тело для ядения и кровь для пития, то свободною властью Домостроителя таинства тело Его неизреченно и невидимо уже было принесено в жертву, а душа была в тех местах, куда пренесла ее власть Домостроительствующего, вместе с соединенною с нею божественною силою; она обходила оную страну в сердце (земли). Итак считающий время от того часа, когда Богу принесена была жертва великим Архиереем, неизглаголанно и невидимо священнодействовавшим Себя самого, как агнца, за общий грех, не погрешит против истины. Ибо был вечер, когда снесено было сие священное и святое тело. За сим вечером последовала ночь пред пятницу. Далее – день пятницы, разделенный вводною ночью, разделяется на одну ночь и два дня. Ибо если Бог «тму нарече ночь» (Быт. 1, 5), а в продолжении трех часов была тма по всей вселенной, то эта тма и есть ночь, новоразделившая день по середине, разграничившая собою два отдела дня, один, – от разсвета до шестого часа, другой, – от девятого (часа) до вечера. Таким образом доселе было два дня и две ночи. Далее, – ночь пред субботою и с нею день субботы, – ты имеешь три ночи.

Наконец исследуй время воскресения, и найдешь истину сказанного. Когда последовало воскресение? «В вечер субботный» – провозглашает Матфей (Мф. 28, 1). Итак вот (самый) час воскресения по гласу Ангела. Вот предел пребывания Господа в сердце земли. Ибо когда был уже глубокий вечер, начинавший собою ту ночь, за которою последовал первый из (после) субботних дней; тогда произошло землетрясение; тогда блистающий одеждами Ангел отвалил камень надгробный. А жены вставшие незадолго до утра, когда уже появлялся дневной свет, так что показывалось и некоторое сияние восходящего солнца, возвещают уже совершившееся воскресение; о чуде они узнали, час же не был им открыт. Ибо Ангел сказал им, что Господь возстал, а когда, – в слове (своем) не прибавил. Но великий Матфей один из всех Евангелистов точно обозначил время, говоря, что вечер субботный был часом воскресения.

Если же так, то срок по нашему счислению соблюден, когда мы будем считать от вечера четвертка до вечера субботы, вставляя, как сказано, ночь, разделяющую пятницу на два дня и одну ночь. Ибо Властвующему своим могуществом над самым веком прилично было (соделать), чтобы не дела Его по необходимости сообразовались с установленными для времени мерами, но чтобы меры времени делились по новому порядку сообразно потребности сущего, и чтобы, когда божественная сила в кратчайший срок совершает дело благое, и меры времени укорачивались бы. Таким образом и времени прошло не менее трех дней и стольких же ночей, (потому что

этого числа требует таинственная и неизглаголанная причина), – и божественная сила, в выжидании обычных промежутков дней и ночей, не встретила препятствия для скорости действия. Ибо Имеющий власть и положить душу свою о Себе и опять воспринять, когда хотел, как Творец веков, имел власть в своих делах не быть подвластным времени, но устроить время сообразно с делами.

Но слово еще не коснулось самого главного вопроса. Более любознательным естественно спросить: каким образом Господь в одно и то же время мог быть в сих трех: в сердце земли, в раю с разбойником и в руках Отца. Ибо фарисеям Он говорит: «якоже бо бе Иона во чреве китове..., тако будет и Сын человеческий в сердцы земли» в продолжении трех дней (Матф. 12, 40); разбойнику: «днесь со мною будеши в раи» (Лук. 23, 43); Отцу же: «в руце Твои предаю дух Мой» (Лук. 23, 46). Но ни в преисподней нет никакого рая, ни преисподней в раю, так чтобы в то же время можно было быть в обоих, или называть их руками Отца. Для благочестиво рассуждающих это, быть может, и исследования не заслуживает. Ибо везде сущий божественною силою и всюду присутствует, и ни от чего не удаляется. Я же, изучая этот предмет, пришел к другой еще мысли, которую для желающих из вас изложу кратко. Когда Дух Святый низшел на Деву и сила Вышнего осенила ее (Лук. 1, 35), чтобы образовать в ней новаго человека, (потому названнаго новым, что создан по Богу, а не по человеческому обыкновению), чтобы быть нерукотворенным вместилищем Бога, (ибо Всевышний «не в рукотворенных, – то есть не в людми приготовленных, – храмах живет» (Деян. 17, 24): тогда вместе с тем как Премудростию самую устроен был дом (Прит. 9, 1) и осенением Силы, как бы наложением печати извнутри довершено было его образование, божественная сила соединяется с обеими составными частями человеческой природы, то есть с душою и телом, соответственно сочетавшись с тою и другим. Ибо так как обе сии части поражены было смертию чрез преслушание, (для души омертвление состояло в удалении ее от действительной жизни; для тела же в тлении и разрушении); то нужно было из обоих их изгнать смерть примешением жизни. Итак по соединении Божества с каждой из частей человека, в обеих явились ясные признаки всепревосходящего естества. Ибо тело обнаруживало (находящееся) в нем Божество, совершая исцеления чрез прикосновение, душа показывала божественную силу могущественною оною волею. Ибо как телу свойственно ощущение чрез прикосновение, так душе, – движение посредством воли. Приходит прокаженный, уже разлагающийся и невладающий телом; как исцеляется он Господом? Душа

желает, тело касается. И болезнь тем и другим образом изгоняется. Ибо тотчас, как написано, «очистися ему проказа» (Матф. 8, 3)¹. Опять, – Он не желает отпустить голодными многия тысячи, бывшия при Нем в пустыне, а руками преломляет хлебы. Видишь ли, как Божество, сопричастующее обеим (частям), обнаруживается в каждой, – в теле действием, в душе стремлением ея воли. И что нужды перечислять самые чудеса, все совершаемые подобным образом, и обременять слово известным? Перейду к тому, для чего упомянул о сказанном. Как Господь в тоже время был в аду и в раю? Одно разрешение этого вопроса: нет ничего недоступного для Бога, «всяческая в нем состоится» (Кол. 1, 17). Другое же то, к которому клонится теперь наше слово: так как Бог изменил ($\mu\epsilon\tau\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$) всего (воспрятого им) человека в божественное естество чрез соединение с ним; то и во время страдания по домостроительству не отступил ни от одной из частей, с коими однажды соединился: «нераскаянна бо дарования» Божии (Рим. 11, 29). Хотя Божество добровольно разлучило душу от тела, но показало, что оно пребывает в обоих. Ибо телом, которое не приняло тления смерти, оно сокрушило имущего державу смерти (Евр. 2, 14); душою же открыло разбойнику вход в рай: то и другое делается в одно время и божество совершает благо чрез ту и другую (части человека): чрез нетление тела – уничтожает смерть, чрез душу же, восходящую к собственному своему жилищу, – возвращает людей в рай. Итак поелику состав человеческий двойствен, а Божественное естество просто и единовидно; то и во время разлучения тела от души неделимое не разделяется вместе с сложным; но напротив пребывает тем же. Ибо единством Божеского естества, равно присущего как в теле, так и душе, разрозненное, опять соединяется вместе. И таким образом смерть происходит от разделения соединенного, воскресение же, – от соединения разделенного. Если же спросишь, каким образом будучи в раю, Господь предает Себя в руки Отца, то искомое объяснит тебе высокий Исаия. Ибо он от лица Божия о горнем Иерусалиме, который, как веруем мы, есть не иное что, как рай, говорит: «се, на руках моих написах стены твоя» (Ис. 49, 16). Итак если Иерусалим, который есть рай, написан на руках Отца, то ясно, что вступивший в рай, совершенно вселяется в дланях Отчих, на которых и божественный город имеет (свое) начертание. Об этом довольно.

Стоит вкратце сказать и о том, что слышим от Иудеев, сильно нападающих своими обвинениями на (наш) догмат. Говорят они, что в постановлении о пасхе Иудеям заповедано Моисеем не только праздновать четырнадцатый период лунного течения, но и семь дней

вкушать опресноки, а приправу к опреснокам делать из горьких трав. Итак, говорит Иудей, если вы так заботливо наблюдаете четырнадцатый день, то соблюдайте вместе с тем и горькие травы и опресноки; если же этим можно пренебрегать, то за чем заботиться о праздновании того дня? Ибо нельзя у того же самого законодателя одно почитать справедливым и душеполезным, а другое бесполезным и заслуживающим отвержения; так что необходимо или исполнять нам все заповеданное о пасхе, или не держаться ничего. Что же мы скажем?

Вспомним, что Господь учил нас не бояться поношения от людей и не смущаться их порицанием (Матф. 5, 11). Известна нам душеполезность соблюдения опресноков, польза горьких трав и четырнадцатого дня. А в каком смысле, – коротко рассмотрим. Закон «сень имъй грядущих благ» (Евр. 10, 1) имеет в виду преимущественно одну цель – как бы посредством различных постановлений очистить человека от примешавшегося к нему зла. Сие исполняется в обрезании, в субботе, в наблюдении пищи, в различных жертвоприношениях животных, в соблюдении каждого (предписания) закона. И долго было бы с точностью излагать все то, на что в частности указывает нам гадательно закон относительно очищения жизни. Посему как чрез обрезание, совершаемое духовно, природа отлагает страстность, будучи усекаема в жизни плотяной; как чрез субботствование она научается неделанию зла; как заклинание в жертву животных закаляет страсти, а узаконенное относительно снедей отделение нечистого побуждает тебя к отчуждению от грязной и нечистой жизни: так и сей самый праздник указывает тебе на тот праздник, к которому душа готовится чрез опресноки, в течении семи дней воздержания от ядения квасного. Значение же сих (дней) таково: седмидневное число указывает тебе на сие преходящее время, возвращающееся понедельно, когда ты должен заботиться, чтобы на наступающий день не сохранить никакого остатка вчерашней злобы, чтобы (примесь) злобы прошлого дня не произвела какого кваса или кислоты в сегодняшнем смешении. «Солнце да не зайдет в гневе вашем» (Ефес. 4, 26), говорит Апостол, повелевающий праздновать «не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины» (1Кор. 5, 8). А что узнали мы об одном виде злобы, то, как известно нам, относится и до остальных видов ея. Что же касается до употребления горьких трав, то горечь изгоняет испорченность и распущенность в жизни, вводит же напротив жизнь воздержную, строгую и неприятную для чувства; поелику «всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль» (Евр. 12, 11).

Итак, кто во всю седмицу сей жизни всегда проводит настоящий день

без примеси и кваса ветхой злобы, делая приправою жизни воздержание, тот отстраняет от себя всякую примесь тьмы. На сие указывает четырнадцатый (день) лунного течения. поелику круг течения луны состоит из двадцати девяти дней с половиною, в которые луна, от новолуния чрез приращение достигши полноты, опять чрез ущерб доходит до совершенного исчезновения света; то ясно, что половина упомянутого числа есть четырнадцатый день и еще немного. Луна тогда бывает в таком виде, что совершив свойственное ей течение в продолжение ночи она продолжает свое круговращение еще на несколько времени, и полная светом смешивает свое сияние со светом дневных лучей, так что ни вечером, ни утром никакой промежуток темноты не отсекает непрерывности света и, не смотря на преемство дня и ночи, свет не разделяется (тьмою). Ибо прежде, чем солнечный луч совершенно скроется на противоположной стороне, тот час является луна и своим светом озаряет землю; и опять, – прежде, чем круг ее совершенно зайдет за горизонт, с остатками лунного света смешивается дневное сияние. Таким образом в сей день полнолуния тьма уничтожается и утро и вечер озаряется преемством светил. Итак, что случается с чувственным светом в четырнадцатый день, когда не допускается примеси тьмы во всю ночь и день, то духовный закон желает сделать символом для духовно-празднующих, чтобы они всю жизненную седмицу, – все время своей жизни, соделывали одною пасхою светлою и неомраченною. Вот значение предписаний о пасхе для Христиан. Для сего мы и наблюдаем четырнадцатый день, чрез чувственный сей и вещественный свет восходя к представлению невещественного и мысленного; так что по-видимому мы обращаем внимание на полную луну, озаряющую нас достаточным светом во всю ночь, на самом же деле видим здесь закон для нас состоящий в наблюдении, чтобы все время, измеряемое ночью и днем, было у нас непрерывно светло и свободно от примеси мрачных дел. И о сем достаточно.

А все те мысли, к которым приводит нас крест, чрез который совершилось таинство страдания, можно ли кому либо легко изъяснить словом? Ибо, не было ли безчисленного множества способов, ведущих к смерти, чрез которые могло бы исполниться домостроительство о нас смертию? Но из всех (видов смерти), самовластию Определившим самому Себе страдание, назначен сей. Ибо «подобает Сыну человеческому» (Мк. 8, 31). Не сказал, – то и то претерпит Сын человеческий, как бы просто сказал ктонибудь, предсказывая то о чем говорил; но утверждает, что сему необходимо нужно быть по некоей неизреченной причине, говоря, что

«подобает Сыну человеческому много пострадати, и искушену быти..., и убиену быти, и в третий день воскреснути» (Мк. 8, 31). Уразумей со мною значение слова подобает, из которого открывается решительно, что страдание именно никак не должно было совершиться иначе, как чрез крест. Какая же причина сего? Одному великому Павлу, наученному неизреченными глаголами, которые он, посвященный в тайны рая, слышал там, свойственно уяснить и сие таинство, как он в словах к Ефессянам отчасти и дает уразуметь сокровенное, говоря: «да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие» (Ефес. 3, 18–19). Ибо не напрасно божественное оное око Апостола мысленно узрело (здесь) образ креста; но чрез сие (Апостол) ясно показал; что всякий отринув от глаз чешую неведения, чисто увидит самую истину. Ибо он знал, что образ креста, представляющий четыре выступа соединенные по середине, обозначает на все простирающуюся силу и промышление Того, Кто на нем явился; и посему каждому выступу дает отличительное название: глубиною именуя то, что идет вниз от середины, высотой то, что находится сверху, широтой же и долготой то, что поперек простирается в обе стороны от связи, так что (часть) в ту сторону от середины называется широтой, а в другую сторону, – долготой. Чрез это, мне кажется, ясно обозначается словом то, что нет ничего существующего, что бы неодолимо было Божескою природою, – и небесное и подземное и отовсюду простирающееся посредине до пределов сущего. Ибо высотой означает горнее, глубиною, – подземное, долготой и широтой все, что заключается в середине и что держится всем управляющею силою. Доказательством сказанного пусть будет то, что происходит в душе твоей, при мысли о Боге. Ибо воззри на небо, представь в уме дольные глубины, простири свою мысль до широты и до пределов всего существующего, и подумай, какова сила содержащая все сие, служащая как бы некоторою связью всего, – и увидишь, как мысль о божеской силе сама собою начертывает в уме образ креста, от горнего низходящий в бездну и до крайних пределов простирающийся поперек.

Сей-то образ (креста) воспел и великий Давид говоря о себе: «камо пойду от Духа Твоего? и от лица Твоего камо бегу? Аще възду на небо» – вот высота; аще сниду во ад» – вот глубина; «аще возму криле мои рано» (разумеется восток солнечный), – вот широта, если «вселюся в последних моря» (так он называет запад), – вот долгота (Псал. 138, 7–9). Видишь, как словами живописует он образ креста? Ты, говорит, проникаешь все, связуешь все сущее и обемлешь Собою все концы, горе Ты находишься,

внизу Ты присутствуешь, в сем конце присуца рука Твоя, и в другом указывает путь десница твоя. Посему и великий Апостол говорит, что когда все исполнится веры и ведения, тогда Сущий превыше всякого имени, о имени Иисуса Христа получит поклонение от «небесных и земных и преисподних» (Флп. 2, 10). Опять и здесь, соответственно образу креста, (Апостол) разделяет поклонение кресту. Ибо превышемиральная область в верхней части креста воздаёт поклонение Владыке, мировая часть в середине, преисподняя же соответствует нижней части (креста). Тоже означает, по моему мнению, и "иота" в соединении с "чертою", оказывающаяся тверже неба, постояннее земли и крепче всего состава сущего. Небо и земля мимо идет (Матф. 24, 35) и всего мира образ "преходит" (1Кор. 7, 32); "иота" же из закона «и черта не преидет» (Матф. 5, 18). Опущенная к низу линия, нисходящая сверху вниз, именуется «иота», а проводимая продольно поперек называется «черта», как сему можно научиться и от мореплавателей; потому что дерево, лежащее поперек мачты, на которой распускают парус, именуют чертою (κερσία), называя (его так) по его виду. Посему кажется мне, божественные слова Евангелия, под образом креста, гадательно и как бы в зеркале имеют в виду указать на то, в чем все имеет бытие, что более вечно, чем содержащееся в нем, и сила чего сохраняет все сущее. Посему-то и говорит, что подобает Сыну человеческому, – не просто умереть, но быть "распяту", чтобы крест для более пронизательных был богословом, чрез (свой) образ возвещающим всесильную власть явившегося на нем и сущего вся во всем.

Не умолчим, братие, и о благообразном советнике, Иосифе Аримафейском, который взявши тело Господа, чистый и святой дар, обвивает его чистою плащаницею и полагает в чистом гробе. Дело сего благообразного советника да будет для нас законом, чтобы и мы подобным образом, когда приемлем оный дар тела, не советовали себе принимать (его) в оскверненную плащаницу совести и полагать в смрадном от мертвых костей и всякой нечистоты гробе сердца. Но, как говорит Апостол, пусть каждый испытывает себя, чтобы благодать не была во осуждение недостойно принимающему ее (1Кор. 11, 28–29).

Но, говоря сие я вдруг чувствую себя пораженным светоносною одеждою Ангела, и потрясает радостью мое сердце оное вожделенное землетрясение, отваливающее тяжелый камень человеческой гробницы, отверзающее всем дверь воскресения. Потечем и мы к сему зрелищу необычайного чуда. Ибо суббота уже прошла, не останемся позади жен. В наших руках да будут и ароматы: вера и совесть; ибо это благоухание

Христово. Не станем уже искать живого с мертвыми, ибо ищущего таким образом отрывает Господь, говоря: «не прикасайся Мне» ([Иоан. 20, 17](#)); но когда взойду ко Отцу, тогда тебе можно прикоснуться. Послушаем, что благовествует и жена, верою предупредившая мужа и хорошо сие сделавшая, чтобы предварением в добре оправдаться в причинении зла. Что же благовествует жена? Подлинно «ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом» ([Гал. 1, 1](#)). Ибо послушайте, говорит мирноносица, что Господь повелел нам сказать вам, которых Он и братьями своими называет: «восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему» ([Иоан. 20, 17](#)). О, прекрасное и благое благовестие! Соделавшийся для нас подобным нам, чтобы, будучи нам сродным, сделать нас Своими братьями, приводит Свое человечество к истинному Отцу, чтобы Собою привлечь все сродное, чтобы впредь никто не укорял нас, что мы служили «не по естеству сущим богам» ([Гал. 4, 8](#)), потому что мы снова приведены к живому и истинному Богу, и чтобы мы не были отвергнуты и лишены отеческого наследия, чрез усыновление последовав за Сыном. Соделавший Себя чрез воплощение первородным «во многих братиях» ([Рим. 8, 29](#)) привлек всю тварь, которой приобщился, в принятой на Себя плоти. Но тогда как пред пасхою пресный хлеб имел приправую горечь, мы видим, что после воскресения хлеб приправляется некоторою сладкою снедию. Видишь ли, при ловлении Петром рыбы, хлеб и соты медовые в руках Господа? Подумай, что готовит тебе горечь жизни? Итак и мы, возставши от словесной ловитвы, приступим теперь к хлебу, услаждаемому сотами благой надежды, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На святую Пасху («Слово 3-е о воскресении Христовом»)

Люди бедные, но любящие празднества и встречающие их не только с радостью в душе, но и в светлых одеяниях, не имея собственных средств украсить себя, как бы им хотелось, спрашивают всяких драгоценностей у своих родных и знакомых, и таким образом удовлетворяют всем своим нуждам. В таком же положении нахожусь и я сегодня. Будучи не в состоянии сам от себя сказать что-нибудь достойное уже слышанных нами славословий, я прибегну к пособию священной песни, которую недавно мы пропели; воспользуюсь ее содержанием, и таким образом исполню свой долг, присоединив к словам Писания несколько своих, если только у бедного служителя найдутся хотя какие-нибудь славословия для выражения благодарности к своему Господу.

Недавно восклицал Давид, а за ним пели и мы: «хвалите Господа, вси языцы, похвалите Его, вси людие» (Псал. 116, 1). Сим псалмом Давид призывает к прославлению Господа всех, без исключения, людей, начиная от самого Адама; живет ли кто на западе и востоке, или в странах, окрест лежащих, обитает ли на севере или на юге, всех равно побуждает он к песнопению. В других случаях он обращается только к некоторым людям в-частности, призывает например святых, или побуждает к песнопению отроков, а в настоящем собирает свою псалтирю языки и народы. И когда "прейdet...", – по словам Апостола, – образ мира сего» (1Кор. 7, 31), когда Христос, Царь и Бог, исполнив верою всякую душу неверующую и заградив уста богохульные, явится пред всеми и положит конец суетному учению еллинов, заблуждениям иудеев и необузданному пустословию еретиков; тогда действительно все языки и все, от века почившие, люди воздадут Ему единодушное поклонение. Тогда будет некое дивное согласие в славословии; потому-что праведники будут хвалить Господа по всегдашнему своему обыкновению, а грешники будут умиловать по необходимости. Тогда, во-истину, единогласно воспоют победительную песнь все, и побежденные и победители. Тогда же и виновник возмущения, вообразивший себя в величии Господнем, явится пред всеми презренным рабом и отведен будет Ангелами на мучение, а все сообщники и служители злобы его подвергнутся достойному наказанию. Один будет тогда царь и судия, которого все исповедают своим общим Господом; и настанет тогда всеобщая тишина, какая бывает в то время, когда судия восседит на троне, герольд дает знак к молчанию, и народ, ожидая речи

судии, устремляет к нему и зрение и слух. "Хвалите убо Господа вси языцы, похвалите Его вси людие» (Псал. 116, 1), хвалите как всемогущего, похвалите как человеколюбивого. Ибо Он оживотворил всех погибших и мертвых, обновил сокрушенный сосуд из бранных останков, лежащих во гробах, образовал, по человеколюбию, существо нетленное, и душу, за несколько тысяч лет разлучившуюся с телом, ввел снова, как-бы после долговременного странствования, в прежнее ее жилище, которое ни от времени, ни от забвения не сделалось для ней чуждым и к которому она устремилась скорее, чем птица летит к своему гнезду. Станем разсуждать о предметах близких к настоящему празднику, дабы наше празднование было сообразно с существом праздника. И бесполезно, и неуместно, и странно говорить о чем-либо постороннем и неотносящемся к делу, не только в беседах о предметах веры и благочестия, но и в речах, имеющих предметом своим дела обыкновенныя и мудрость мирскую. Не будет ли безумен и крайне смешен оратор, когда, быв приглашен к светлому брачному пиршеству, вместо приличных веселых речей, соответствующих радости праздника, станет уныло возглашать печальные песни, и с грустию рассказывать описанные в трагедиях бедствия брачной жизни? Или, наоборот, когда ему поручат отдать последний долг умершему и почтить дела его речью, он, не обращая внимания на печальное событие, будет радоваться и веселиться посреди пораженного скорбию собрания? Если же в делах мирских хорошо соблюдать чин и приличие, то, конечно, гораздо необходимее это, когда дело идет о предметах важных и небесных.

Итак днесь воскрес Христос, Бог безстрастный и безсмертный. (Язычник, удержиись на время от безразсудного смеха, пока не выслушаешь всего!) Не по необходимости Он пострадал, не по принуждению сошел с небес, и не сверх чаяния воскрес, как будто бы это было для Него неожиданным благодеянием. Нет, Он в самом начале знал конец всего; пред Его Божественными очами открыто было все, имеющее совершиться. Еще прежде сошествия с неба, Он видел и смятение язычников, и ожесточение Израиля, и Пилата, восседающего на троне, и Каиафу, раздирающего одежду свою, и неистовство мятежного народа, и предательство Иуды, и защищение Петрово, и вскоре за сим свое воскресение и переход к безсмертной славе. И зная все, имеющее совершиться, Он не изменил милости своей к человеку, не отложил исполнения смотра своего о его спасении. Как люди (великодушные), при виде слабого человека, уносимого стремлением потока, движимые состраданием к погибающему, бросаются в воду для его спасения, хотя знают, что и они могут погрязнуть в иле потока и пострадать от камней,

быстро несущихся по воде; так и человеколюбивый Спаситель наш, дабы спасти погибшаго от обольщения, добровольно претерпел поношение и безславие. Он сошел на землю, потому-что предвидел и славное восшествие от ней; благоволил умереть, как человек, потому-что знал наперед и о своем воскресении. Не безразсудно Он подвергал себя опасности, предоставляя все неизвестности будущего, как поступает обыкновенный человек, но как Бог, Он располагал все события к известной и определенной цели. "Сей убо есть день, егоже сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся в онь» (Псал. 117, 24), возвеселимся не в пьянстве и объядении, не в ликовании и безчинствах, но в богоугодных размышлениях.

Сегодня вся вселенная, как одно семейство, собравшееся для одного дела, оставив дела обыкновенные, как-бы по данному знаку, обращается к молитве. Нет сегодня путников на дорогах; не видно мореплавателей на море; земледелец, оставив плуг и заступ, украсился праздничною одеждою; корчемницы стоят пустыми; исчезли шумные сборища, как исчезает зима с появлением весны; безпокойства, смятения и бури житейские сменились тишиною праздника. Бедный украшается как богатый; богатый одевается великолепнее обыкновенного; старец, подобно юноше, спешит принять участие в радости, и больной преодолевает болезнь свою; дитя, переменяв одежду, празднует чувственно, потому-что еще не может праздновать духовно; девственница веселится душою, потому-что видит светлый торжественный залог своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всеми домашними своими, и сама она, и муж ее, и дети, и слуги и домочадцы, все веселятся. Как новый, только-что образовавшийся рой пчел, в первый раз вылетающий из пчельника на свет и воздух, весь вместе садится на одной ветви дерева, так и в настоящий праздник все члены семейств отовсюду собираются в свои дома. И по-истине справедливо сравнивают настоящий день с днем будущего воскресения, потому-что тот и другой собирает людей; только тогда соберутся все вместе, а теперь собираются по частям. Что же касается радости и веселия, то по всей справедливости можно сказать, что настоящий день радостнее будущего: тогда по необходимости будут плакать те, коих грехи обличатся; ныне, напротив, нет между нами печальных. Ныне и праведник радуется, и неочистивший свою совесть надеется исправиться покаянием. Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека так печального, который не находил бы утешения в торжестве праздника. Ныне освобождается узник, должнику прощается долг, раб получает свободу, по благовому и человеколюбивому воззванию

Церкви, не с безчестием и заушениями, не ранами освобождается от ран, как это бывает во время народных празднеств, на которых рабы, выставленные на возвышенном месте, стыдом и посрамлением искупают свою свободу, но отпускается с честью, как это знаете вы сами; ныне и остающийся в рабстве получает отраду. Если бы даже раб сделал много важных проступков, которых нельзя ни простить, ни извинить: и тогда господин его из уважения ко дню, располагающему к радости и человеколюбию, приемлет отверженного и посрамленного, подобно Фараону, изведшему из темницы виночерпия; ибо знает, что в день будущего воскресения, по образу коего мы чествуем настоящий день, он и сам будет иметь нужду в долготерпении и благодати Господа, и потому, оказывая милость ныне, ожидает воздаяния в тот день. Вы слышали, господа; не постыдите же меня перед рабами, будто я ложно восхваляю день сей; отымите печаль у душ, удрученных скорбью, как Господь отъял умерщвление от нашего тела; возвратите честь посрамленным, обрадуйте опечаленных, ободрите упавших духом, изведите на свет заключенных, как во гробе, в темных углах ваших домов; пусть для всех цветет, как цветок, красота праздника. Если день рождения земного царя отверзает темницы, то ужели победный день Воскресения Христова не утешит скорбящих?

Бедные, примите с любовью день сей, питающий вас! Разслабленные и увечные, приветствуйте день сей, врачующий ваши болезни! В нем сокрыта надежда нашего воскресения, которая побуждает ревновать о добродетели и ненавидеть порок; ибо с уничтожением мысли о воскресении у всех будет одна господствующая мысль: «да ямы и пием, утре бо умрем» (1Кор. 15, 32). Взвизывая на сей день, Апостол презирает жизнь временную, пламенно желает вечной и, ни во что ставя все видимое, говорит: «аще в животе сем точию уповающе..., окаяннейши всех человек есмь» (1Кор. 15, 19). Ради сего дня люди соделались наследниками Богу и сонаследниками Христу. Ради сего дня с воскрешенным человеком возстанут невреденными все части тела, хотя бы они пожраны были за несколько тысяч лет плотоядными птицами, или поглощены рыбами, псами и другими морскими животными, хотя бы они разрушены были огнем или соделались пищею гробовых червей. Словом сказать, все тела, соделавшиеся от начала мира добычею тления, возвратятся из земли целыми и невредимыми. Притом, воскресение, как учит св. Павел, совершится «во мгновении ока» (1Кор. 15, 52); а мгновение ока есть одно только движение веждей, так-что ничто не может быть быстрее этой скорости.

Рассчитывая по-человечески, сообразно с твоими силами, ты во-первых ни как не можешь и вообразить того количества времени, какое нужно, чтобы сгнившие и превратившиеся в землю кости сделались по-прежнему плотными и ровными, снова соединились и пришли в приличный и естественный между собою порядок. Потом не можешь придумать, как кости покроются плотию и скрепятся протянутыми нервами; как под кожей проведутся жилы и артерии, как тонкие трубочки; как явится из каких-то неведомых жилищ безчисленное, неизобразимое множество душ, из коих каждая узнаёт свое тело, как особливую одежду, и тотчас снова поселится в нем, каждая, несмотря на такое множество однородных духов, будет иметь свои отличительные признаки. Ибо нужно представлять себе все души и тела, начиная от самого Адама, нужно представлять, что, несмотря на такое множество разрушенных домов и на такое множество как-бы из дальнего странствования возвращающихся домовладык, все совершается удивительно и не по обыкновенному. Жилище немедленно возсозидается, и обитатель не блуждает и не ходит взад и вперед, ища своего жилища, но тотчас идет к нему, как голубь безошибочно летит к своей башне, хотя бы даже много было башней около того же места и оне похожи были одна на другую. Притом, каким образом так скоро явится воспоминание о прежней жизни и мысль о каждом ее действии в существе, за столько веков истлевшем, тогда как и пробужденный от глубокого сна человек некоторое время не знает, кто он и где он, и не помнит о самых обыкновенных вещах, пока бодрствование не рассеет его усыпления и не возвратит ему деятельности памяти? Вот сие-то и подобное сему, приходя многим на мысль, поражает их чрезвычайным удивлением, а вместе с удивлением проникает в их душу и неверие. Ибо если ум наш не находит разрешения для своих сомнений и недоумений и не может успокоить своей пытливости уразумением, то впадает наконец, по слабости своего соображения, в неверие, отвергая истинность и действительность самого дела. Но вот мы дошли до предмета, о котором часто рассуждают, и который близок и приличен настоящему празднеству. Остановимся же на нем несколько времени и возведя наше слово к приличному началу, постараемся уверить тех, которые неправильно сомневаются в вещах очевидных.

Творец всего, восхотев создать человека, создал его не презренным животным, но существом превосходнейшим всех существ и поставил его царем всех тварей поднебесных. Предназначив его к сей цели, Он даровал ему премудрость и свой образ и украсил его многими дарами. Как же после сего можно думать, что, человек призван к бытию только для того,

чтобы, родившись, умереть и подвергнуться совершенному уничтожению? Такая цель ничтожна, и приписывать подобное намерение Богу крайне недостойно Бога. Это значило бы уподоблять его детям, которые тщательно что-нибудь строят, и тотчас же разрушают построенное; потому-то у них и мысли нет о какой-либо полезной цели. Но мы научены совсем противоположному; мы верим, что Бог создал прародителя бессмертным; но когда произошло преступление и грех, в наказание за сие лишил его бессмертия. Потом, как источник благодати и человеколюбия, преклонился на милость к творению рук своих, украшенному мудростию и разумом, и благоволил возвратить нам прежнее состояние. Это учение и само по себе истинно и сообразно с правильным понятием о Боге; потому-то свидетельствует не только о Его благодати, но и о могуществе. И люди добрые и сострадательные не остаются равнодушными и жестокими к существам, находящимся под их властью и смотрением. Так стрегущий овец желает, чтобы стадо его было сохранно и даже как-бы бессмертно; пасущий волов всячески старается о размножении своих волов; приставник к стаду коз желает, чтобы козы его были многоплодны; одним словом: всякий пастух, имея в виду какую-либо полезную цель, всегда заботится о том, чтобы стадо его было сохранно и постоянно размножалось. Если же все это справедливо, и если все, что мы сейчас сказали, показывает, что Виновнику и Творцу рода человеческого еще более прилично возстановить и исправить падшее творение свое, то очевидно, что неверующие (будущему воскресению) противление свое утверждают только на той мысли, будто для Бога невозможно воскресить умершее и разрушившееся. Но, по-истине, только мертвые и лишившиеся чувств могут думать, что есть что-нибудь невозможное и неисполнимое для Бога, и таким образом собственную слабость приписывать всемогущему величеству. Чтобы обличить их безумие ясными доказательствами, мы из прошедшего и настоящего покажем возможность будущего, чему они не веруют.

Ты слышал, что человек создан из земли. Объясни же мне, ты, который хочешь все постигнуть умом своим, объясни, каким образом соединилась в одно плотное тело мелкая, разсеянная персть? Как земля сделалась плотию? Как из одного и того-же вещества составились и кости, и кожа, и жир, и волосы? Как в одном теле образовались члены, различные и по виду, и по свойствам? От чего легкое для осязания мягко, а по цвету синевато? От чего печень тверда и багрового цвета? От чего сердце сжато и составляет самую твердую часть тела, а селезенка не имеет плотности и черна, перепонка же бела и от природы соткана наподобие сетей?

Размыслим еще и о том, как из одного ребра образовалась первая жена и явилась существом совершенным, подобным первому совершенному человеку? Как одного члена стало достаточно для полного состава и из малого составилось целое? Как из ребра образовались и голова, и руки, и ноги, и внутренние части извивистые и разнообразные, мягкое тело, и волосы, и глаз и нос? Но, чтобы не распространять слишком много своего слова, скажем кратко, что для нас слабых и ничтожных все в создании чудесно и непонятно, и что для Бога создание всего, как всякому известно, не стоило никакого труда. Как же после сего назвать здравомыслящими тех, которые допускают, что весь человек составлен из одного ребра, и в тоже время не верят, чтобы он мог вновь возникнуть из целого человеческого состава? Нет, силы Божественной деятельности мы не можем понять и исследовать своими человеческими мыслями. Если бы мы могли понимать все, то Бог, существо высочайшее, не был бы превосходнее нас. Но для чего говорить о Боге? По некоторым силам мы не можем сравняться и с бессловесными животными, но стоим ниже их. Например, быстротою нас превосходят кони, собаки и многие другие животные, силою верблюды и лошаки, знанием дорог ослы, остротою зрения серны. Посему-то люди мудрые и разсудительные верят всему изреченному от Бога, но не спрашивают о способах и причинах Его действий, так-как это превышает наше разумение. Всякому из пытливых любоведцев можно сказать: объясни мне, каким образом все видимое получило бытие, скажи, с помощью какого искусства Господь создал столь разнообразное творение? Если ты исследуешь и поймешь все сие, то имеешь право недоумевать и роптать на то, что, уразумевши образ первоначального происхождения вещей, не понимаешь будущего их преобразования. Если же все это представляется тебе сновидением и мечтанием, если всюду познание твое слабо и несовершенно, то не жалуйся и не ропщи на то, что ты, не разумея, как все сотворено, не постигаешь и того, как воскреснет истлевшее.

Один и тот же Виновник и первоначального создания и второго преобразования. Он знает, как свое творение, подвергшееся тлению, возвратит в прежнее состояние. Нужна ли для сего премудрость, – у Него источник премудрости. Потребуется ли могущество, – Он не имеет нужды в пособии и содействии. Он есть Тот, который, по словам мудрейшего Пророка, «измери горстию воду, и безпредельное небо пядию, а всю землю горстию» (Ис. 40, 12). Обрати внимание на эти изображения: они служат знаками неизреченного могущества и заставляют наш разум с горестию сознаться, что он не может изобрести ничего достойного Божественной

природы. Так, Бог и есть всемогущ, и называется всемогущим (конечно, ты не будешь спорить против сего, но согласишься, что это действительно так); а для всемогущего нет ничего трудного или неисполнимого. Для твоей веры (в будущее воскресение) есть много оснований, которые невольно заставляют тебя согласиться с нашими словами, и во-первых, это все разнообразное и многосложное создание, которое яснее всякого проповедника возвещает, что велик и премудр Художник, создавший все видимое. Сверх того, Бог, промышляя о своих творениях и созерцая: издалека слабые души неверующих, самым делом подтвердил истину воскресения мертвых, возвративши души в тела многих умерших. Для этого вышел из гроба Лазарь четверодневный мертвец (Иоан. 11, 44); для этого и единородный сын вдовицы возвращен матери живым от смертного ложа (Лук. 7, 12–15), и многие другие, которых перечислять здесь было бы трудно. Но зачем говорить о Боге и Спасителе, когда Он, для большего уверения сомневающихся, даровал власть воскрешать мертвых даже рабам своим – Апостолам? Вот доказательство ясное и очевидное! Для чего же еще вы, любители прений, утруждаете нас, как будто мы говорим о том, чего доказать нельзя? Как воскрешен один, так воскреснут и десять; как десять, так и триста, как триста, так и более. Кто сделал одну статую, тому не трудно будет сделать их и тысячу. Не видите ли вы, как художники на небольшом куске воска отпечатлевают формы и модели великих и огромных зданий? В этом случае и небольшая вещь имеет такое же значение, как многие великие здания. Обширное небо есть прекрасное творение Божие. Но вот и человек, которого Бог создал существом разумным, чтобы он, познавая сотворенное, прославлял премудрого Творца, вот и человек устрояет небольшой шар, который в руках человека знающего обращается подобно тому, как Бог движет небесами. Таким образом самое малое произведение становится изображением величественного творения, и в уменьшенном виде изъясняет то, что существует в огромных размерах и не подлежит нашим чувствам. Но для чего же я говорил об этом? Для того, дабы ты знал, что, коль-скоро спросишь меня, как воскреснут все от века тела, я тотчас отвечу тебе: так же, как воскрес четверодневный Лазарь. Человек здравомыслящий, очевидно, поверит на том же основании и воскресению многих, на каком верит воскресению одного. И ты, допустивши, что совершает сие Бог, конечно, не скажешь, что в этом есть что-нибудь невозможное, и не сочтешь постижимою для ума твоего премудрость непостижимаго; ибо для тебя неизследимо все, относящееся к безпредельному, тогда как для Бога нет и безпредельного.

Но наше рассуждение будет очевиднее, если мы, сверх сказанного, размыслим еще об образе нашего рождения, – не о том первоначальном и древнейшем, по которому мы произошли от Бога, и о котором прежде говорили, но о том, который и доселе совершается по законам естества. Неизследим и непостижим он для человеческого разума. В самом деле, как из семени, вещества жидкого, неимеющего ни вида, ни образа, составляется голова, образуются твердые бедра и ребра, мягкий и нежный мозг, с окружающими его столь твердыми и жесткими костями, и вообще, чтобы слишком не увлечься подробностями, скажем кратко, весь разнообразный состав живого существа? Но точно так-же, как это семя, в начале неимеющее никакого определенного вида, получает, по устройению непостижимой премудрости Божией, определенную форму, возрастает и увеличивается в объеме, точно так-же и брение, находящееся в гробах и имевшее некогда свой вид, снова получит прежнее устройство, и персть снова соделается человеком подобно тому, как это было и в начале. Тут нет ничего странного; напротив, все совершенно естественно. Положим, что Бог имеет столько же силы, сколько горшечник, и посмотрим, как поступает сей последний. Он берет безобразную глину, превращает ее в сосуд, и, положив на солнце, сушит его и делает твердым. Пусть это будет кувшин, или тарелка, или другой сосуд; но если что-нибудь нечаянно упадет на этот сосуд и опрокинет его, он тотчас же разрушается и теряет свою форму, обратившись опять в безобразную глину. Но художник, если хочет, скоро исправляет случайно разрушившееся и, при помощи своего искусства, из обломков снова составляет сосуд, который ни чем не хуже прежнего. Если же это может сделать горшечник, который сам есть малое создание Божественного всемогущества; то как после сего не веровать Богу, когда Он обещает воскресить умерших? По-истине, это великое безумие!

Посмотрим еще на подобие пшеницы, которым велемудрый Павел вразумляет неразумных: "безумне, – говорит он, – ты еже сееши..., не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или иного от прочих. Бог же дает ему тело, якоже восхощет» (1Кор. 15, 36–38). Разсмотрим внимательно прозябание пшеничного зерна, и мы скоро познаем образ будущего воскресения. Пшеничное зерно бросается в землю. Здесь, сгнивши от сырости и, так-сказать, умерши, оно превращается в некое млекообразное вещество, которое, несколько сгустившись, дает тонкий и белый росток. Когда росток этот увеличивается в объеме своем столько, что выходит из-под земли, он мало-по-малу из белого превращается в зеленый и становится травой и

листьями. После сего, зерно, уже несколько развернувшееся и развившееся, пускает вниз многоветвенный корень, приготовляя в нем подпору для будущей своей тяжести, ибо как корабельные снасти, со всех сторон протянутые к мачте, удерживая ее в равновесии, дают ей твердость и стойкость; так и подобные вервям отростки корня служат опорой и подкреплением для колосьев. Когда же зерно вырастает в стебель, и стебель поднимается в-верх, Бог поддерживает его, ограждая коленцами и узелками, как некий дом связями, дабы он мог удержать тяжесть будущего колоса. Потом, когда стебель приобретает достаточную твердость, шелуха распадается и появляется самый колос. Тут опять еще более чудес. В колосе появляются одно за другим зерна, и каждое семечко имеет свое особенное хранилище. Наконец вырастают тонкие и острые иголки, которые, как мне кажется, служат колосу защитой против птиц, истребляющих семена, потому-что, укалывая их своим острием, препятствуют им вредить зернам. Видишь ли, сколько чудес представляет одно согнившее зерно, и, быв брошено в землю одно, в каком количестве возстает из ней? Но человек в воскресении получит только то, что он уже некогда имел, и потому наше обновление кажется еще легче и понятнее прозябания зерна.

Перенесемся отсюда мыслию к деревьям, для которых зима каждый год бывает временем смерти. Обрываются плоды, падают листья, и деревья становятся сухими, теряют всю свою красоту; но приходит весна, и они обрастают прекрасными цветами, и покрываются листьями. Тогда красотой своею они привлекают к себе взоры человека и служат как-бы местом увеселения для певчих птиц, которые садятся на их ветви. Тогда столько разлито около них удовольствия, что многие оставляли свои дома, украшенные золотом и фессалийскими и лаконийскими камнями, находя приятнее жизнь под деревом. Так и патриарх Авраам построил свою куцу под дубом, не потому, чтобы он не имел жилища, но потому, что его привлекала прелесть ветвистого дерева.

Жизнь змей также представляет мне доказательство для рассматриваемого предмета. В продолжение зимы жизненная сила их замирает, и целые шесть месяцев оне лежат в пещерах без всякого движения. Но как-скоро наступит известное время и послышатся на земле громовые удары, они, принимая это как-бы за условный знак, выходят из пещер и долгое время живут в обыкновенном своем состоянии. Где же причина всего этого, скажи мне, испытатель и судия Божественных действий? Объясни, почему ты допускаешь, что удар грома пробуждает обмертвевших змей, а не веришь, что по звуку небесной трубы Божией

оживут люди, как свидетельствует об этом слово Божие: «вострубит..., и мертвии востанут» (1Кор. 15, 52), и в другом месте еще яснее: «послет Ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его» (Матф. 24, 31). Не будем же упорствовать в неверии сим изменениям и обновлениям. Жизнь различных растений, животных, даже самих людей вразумляет нас, что ничто, подлежащее тлению и рождению, не остается навсегда в одном и том-же состоянии, но все изменяется и переходит из одного состояния в другое. И прежде всего, если угодно, рассмотрим это изменение в собственных наших возрастах. Мы знаем, каков бывает младенец, пока питается матерним молоком; по прошествии некоторого времени он приобретает силу, и начинает ползать, подобно маленьким животным, поддерживая себя руками и ногами. Около трех лет он уже ходит прямо, и начинает говорить, хотя неясно и заикаясь; потом произносит слова отдельно и становится красивым отроком. От этого возраста он переходит к возрасту юноши; тут щеки его покрываются волосами, он мало-по-малу становится бородатым и так далее; потом уже делается зрелым мужем, крепким и способным к трудам. Но когда пройдет лет сорок, он начинает склонять свою голову, крепость его мало-по-малу сменяется слабостию и наконец приходит старость, с которою совершенно ослабевают силы. Тело преклоняется и нагибается к земле, как пересохшие колосья; дотоле гладкое, оно становится морщиноватым, и тот, кто некогда был цветущим силою юношей, опять становится младенцем, заикается, теряет твердость мысли, и опять, как и прежде, ползает на руках и ногах. Как и чем все это тебе представляется? Не есть ли это изменение? Не многообразные ли это превращения? Не различные ли это обновления, преобразующие смертное существо еще прежде смерти?

Равным образом сон и пробуждение необходимо также убеждают человека в том, о чем мы разсуждаем. По-истине, сон есть изображение смерти, а пробуждение подобие воскресения. Посему-то еще некоторые языческие мудрецы называли сон братом смерти, по сходству явлений, которыми тот и другая сопровождаются. В том и другом состоянии человек забывает прошедшее, теряет мысль о будущем; тело лежит без чувств, не узнает ни друга, ни врага, не видит лиц, его окружающих и смотрящих на него, становится слабым, мертвенным, лишается всей своей живости, и ничем не отличается от тел, лежащих в гробах и могилах. Посему спящего так-же, как и мертвого, легко можешь, если хочешь, ограбить, можешь опустошить его дом и его самого заключить в оковы; он не чувствует ничего, что около его происходит. Но как-скоро проходит время успокоения и отдохновения для чувств, человек встает, как

существо, только-что возвращенное к жизни, мало-по-малу приходи́т к сознанию себя и окружающих его предметов, постепенно возвращает свои силы, как-бы одушевляемый живительным бодрствованием. Если же существо еще в настоящей жизни испытывает днем и ночью столько превращений, изменений, перемен, смену памяти и забвения; то безразсудно и дерзновенно неверить Богу, когда Он обещает нам последнее обновление, Богу, который есть вместе виновник и первоначального нашего бытия. Неверующие, как мне кажется, больше всего располагаются к неверию тем, что разрушение тела почитают совершенным уничтожением. Но это несправедливо. Тело не вовсе уничтожается, но только разрешается на свои составные части, каковы вода, воздух, земля и огонь. Если же основные стихии остаются и не уничтожаются; то вместе с ними продолжают существовать, после своего разложения, и сложенные из них существа, сохраняя в них все свои части. И так-как для Бога не трудно сотворить все из ничего, как действительно в начале все и получило бытие; то, очевидно, для Него еще легче и удобнее образовать все из начал, уже существующих.

Итак не будем ниспровергать благого упования людей, не будем отрицать будущего воскресения нашего тела, второго, так сказать, бытия, непричастного смерти, и не станем чрезмерною склонностию к удовольствиям прогневать человеколюбивого Бога, даровавшего нам столь сладостное обетование. Ибо мне кажется, что сей истине противятся люди, любящие нечестие и враги всякой добродетели, сластолюбцы и корыстолюбцы, необуздывающие ни зрения, ни слуха, ни обоняния, но всеми чувствами предающиеся удовольствиям. Так-как учение о воскресении предполагает будущий суд, и св. Писание ясно говорит, что мы должны будем отдать отчет в своей жизни, и по воскресении в будущем веке предстанем все пред судилище Иисуса Христа, чтобы по Его суду получить за свои дела достойное воздаяние; то они, сознавая за собою свои беззакония, достойные великого наказания, из страха суда отвергают и воскресение, подобно лукавым рабам, которые, расточив достояние своего господина, помышляют о смерти и гибели его, и, согласно с своими желаниями, составляют себе суетные помыслы. Но так не станет разсуждать никто здравомыслящий. Если не будет воскресения, то что пользы в справедливости и в истине, в благодати и во всяком другом виде благочестия? Для чего люди подвизаются и любомудрствуют? Для чего порабощают вожделения чрева, любят воздержание, мало позволяют себе сна и отдохновения, подвергают себя страданиям от холода и жара? «Да ямы и прием, – скажем словами ап. Павла, – утре бо умрем» (1Кор. 15, 32).

В самом деле, если нет воскресения, и смерть есть конечный предел нашей жизни; то уничтожь всякое обвинение и порицание, предоставь человекоубийце беспрепятственную свободу, позволь прелюбодею открыто возставать против супружества. Пусть грабитель спокойно предается роскоши и торжествует над своими противниками; пусть никто не обуздывает клеветника, пусть клятвопреступник постоянно прибегает к клятве, потому-что смерть же ожидает и того, кто свято сохраняет клятву. Пусть всякой обманывает, сколько хочет, потому-что и правда не приносит никакого плода. Пусть никто не оказывает милости бедному, потому-что милость остается без возмездия. Подобные рассуждения производят больше беспорядка и смешения, чем потоп; они уничтожают всякую здравую мысль, напротив поддерживают и питают помыслы буйные и безумные. В самом деле, если не будет воскресения, то не будет и суда; если же вы уничтожите суд, то изгоните и страх Божий. А где не управляет людьми страх Божий, там торжествует и ликует диавол со грехом. Посему весьма прилично против таких людей написал Давид этот псалом (13): «рече безумен в сердцах своем: несть Бог; растлеша и омерзятся в начинаниях» (Псал. 13, 1). Если не будет воскресения, то баснею становится и Лазарь и богач, и страшная она пропасть, и нестерпимый жар огня, и пламенеющий язык, и желание хотя одной капли воды, и перст бедного. Ибо все это, очевидно, изображает будущее воскресение, так-как язык и перст означают не части безплотной души, но члены тела. И пусть никто не думает, будто все это уже совершилось; нет, это только предвозвещение будущего, а совершится во время обновления, когда мертвые оживут и каждый, состоя по-прежнему из тела и души, явится для отчета в своей жизни. Чему научаем был и зритель великих видений вдохновенный Богом Иезекииль, когда созерцал великое, распростертое пред ним поле, покрытое костями человеческими, о которых ему повелено было пророчествовать? Он видел, как плоть росла и покрывала кости, а кости, разъединенные и разсеянные без всякого порядка, приходили в стройный порядок и соединялись между собою. Не очевидно ли, что в сих словах его ясно обозначается воскресение нашей плоти?

Впрочем несогласяющиеся с учением о воскресении мне кажутся не только людьми нечестивыми, но и безумными. Воскресение, оживление, обновление и все подобные слова приводят мысль слушателя только к телу, подверженному разрушению. Что же касается души, то она, рассматриваемая сама по себе, никогда не воскреснет, потому-что она не умирает, но нетленна и не подлежит разрушению. Но, будучи сама по себе

безсмертна, она во всех делах своих имеет сообщником смертное тело; и посему, когда пред праведным Судиею нужно будет давать отчет в делах, она опять поселится в тело, бывшее ей помощником, чтобы вместе с ним принять наказания или награды. Но, чтобы в слове нашем было больше последовательности, станем рассуждать таким образом: что́ мы называем человеком, – тело и душу вместе, или что-нибудь одно из двух? Очевидно, что это живое существо образуется из соединения души и тела: на предметах несомненных и известных нет нужды долго останавливаться. Если же это справедливо: то размыслим и о том, чему мы должны приписывать дела, совершаемые человеком, например прелюбодеяние, убийство, воровство и все подобное, равным образом целомудрие, воздержание и всякое другое действие, противоположное пороку, – телу ли и душе вместе, или одной только душе? И здесь истина очевидна. Душа одна без тела никогда не крадет, не грабит, не подает хлеба алчущему, не напаяет жаждущего, не идет с дерзновением в темницу, чтобы послужить удрученному узам; но при всяком действии душа и тело бывают соединены друг с другом и все совершают вместе. Как же после сего ты, допуская будущий суд, разлучаешь тело от души и определяешь на суд только душу, тогда-как и тело принимало участие в делах? И если тщательно обсудить человеческие грехи и внимательно рассмотреть, откуда возникают первые начала их; то едва ли не откроется, что в беззакониях тело прежде нарушает долг. В самом деле, часто, когда душа покоится и наслаждается невозмущенным миром, глаз с вожделением смотрит на то, чего лучше было бы не видеть, и, передавши болезнь свою душе, вместо царствовавшего в ней спокойствия, поселяет бурю и волнение. Равным образом ухо, услышавши какие-нибудь возмутительные и непристойные слова, чрез себя, как-бы чрез трубу, вносит в помыслы нечистоту пороков и смятение. Нередко и нос посредством обоняния причиняет внутреннему человеку великое и неизобразимое зло. И руки посредством осязания, обыкновенно, изнеживают самую твердую душу. Таким образом, рассматривая постепенно все чувства, я нахожу, что тело бывает причиною многих грехов. Но оно же поддемит и труды для добродетели, терпит болезни и скорби в благих подвигах, когда разсекают его секирою, жгут на огне, подвергают бичеванию, обременяют тяжкими узам, и когда вообще оно переносит всякие мучения, чтобы не изменить священному любомудрию, против которого, как против какого укрепленного города, со всех сторон воюет нечестие. Итак, если и в благих делах тело подвизается вместе с душою, и в беззакониях не оставляет души; то на каком же основании ты утверждаешь, что на суд предстанет

душа одна без тела? Учить таким образом и несправедливо и несвойственно мудрому. Если бы душа грешила одна и вне тела, то и наказание понесла бы также одна; но если во всем явно участвует с нею и тело, то праведный Судия не оставит и его без наказания. В этом уверяет меня и св. Писание, когда говорит, что осужденные подвергнутся достойным наказаниям, каковы: огонь, тьма, червь; ибо все это наказания для сложных и вещественных тел. Что же касается души, рассматриваемой отдельно от тела, то до ней не может коснуться огонь; не может устрашить ее и тьма, потому-что нет у ней очей и органов зрения. Что сделает ей и червь, который может вредить только телу, а не духу? Таким образом все сии последовательные рассуждения необходимо заставляют нас согласиться, что будет воскресение мертвых, которое Бог совершит в определенное Им время и чрез то подтвердит самым делом обетования.

Будем же верить Тому, кто говорит: «вострубит... и мертвии востанут» (1Кор. 15, 52), или: «грядет час, егда вси сущии во гробех услышат глас Его, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота; а сотворшии злая в воскрешение суда» (Иоан. 5, 28–29). Господь не только дает обетования, но и делами, которые совершает ежедневно, ясно поучает нас, что Он всемогущ. Не утрудился Он в-начале при создании всего; не будет иметь недостатка в мудрости и при обновлении созданного. Разсмотрим настоящее и не будем не веровать будущему. Как изумительно для нас всякое действие Божие, так по-истине велико и непостижимо и то чудо, когда мы видим, что черты лица от родителей и дедов вполне переходят к детям и внукам, так-что потомки бывают как-бы портретами своих предков. С изумлением я созерцаю здесь всемудрое художество Первохудожника-Спасителя и Бога, и не постигаю, каким неизреченным таинством созидаются и составляются образы лиц, уже несуществующих и невидимых, образы, в которых как-бы оживают умершие. Часто также в одном человеке отпечатлеваются черты многих лиц, например, нос отца, глаза деда, походка дяди, голос матери. В этом случае человек походит на растение, к которому привиты отростки различных дерев, и которое, посему, приносит разнородные плоды. Все сие сколько удивительно и непостижимо для нас, столько же легко для Творца, и, как известно, совершается Им без всякого труда. После сего крайне безразсудно и нелепо было бы допускать, что черты уже согнивших и истлевших тел вновь являются в других телах, каждодневно рождающихся, в которых таким образом воспроизводятся чужие признаки, и в то-же время не только не соглашаться, что оживут и обновятся в людях их собственные черты, но напротив упорно отвергать сию истину, и самое обетование о

воскресении почитать баснею, а не словом Того, который по своему хотению создал и украсил все видимое. Что касается до нас, мы уже утвердились в вере воскресению, возсылая за сие славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

На святую и спасительную Пасху («Слово 4-е о воскресении Христовом»)

Истинный покой Субботы, Богом благословенной, в которую Господь почил от дел своих – одержав победу над смертью для спасения мира, – сей истинный покой уже кончился, и усладил как взоры, так и слух и сердце всем тем, что мы, при совершении торжества, видели, слышали, и чувствовали радостного для сердца; ибо очи наши видели свет, сиявший от свещей и, подобно огненному облаку, носившийся пред нами в ночном мраке; слух оглашался во всю ночь словом (Божиим), псалмами, пениями и песнями духовными, кои, втекая в душу радостным потоком, преисполняли нас благими надеждами, и сердце наше, приходя в восхищение от слышимого и видимого, и возносясь чрез чувственное к духовному, предвкушало несказанное блаженство, так что блага сего покоя, удостоверяя собою в неизреченной надежде на получение уготованного, служат для нас образом тех благ, «ихже око не виде, и ухо не слыша, и яже на сердце человеку не взыдоша» (1Кор. 2, 9). поелику светлая сия ночь, слившая свет свещный с утренними лучами солнца, составила один непрерывный день, не разделенный ни малым промежутком мрака, то размыслим, братия, о пророчестве, возвещающем, что день сей есть «день, егоже сотвори Господь» (Псал. 117, 24). Не тяжкое какое либо и неудобое исполнимое дело заповедано в сей день, но радость и веселие. Ибо пророк прибавляет: «возрадуемся и возвеселимся в онь» (Псал. 117, 24). Какой легкий подвиг! Какое нетрудное обязательство! Кто станет медлить исполнением такого повеления? Кто не почтет за ущерб даже малейшую отсрочку в таком занятии? Веселие и радость – вот предписание, вот обязанность! Ими полагается предел осуждению за грех. Мудрость изрекла, что в день веселия забывают о бедствии. Настоящий день заставил нас забыть первый, произнесенный на нас приговор, или лучше, не только заставил забыть, но и уничтожил его для нас, ибо совершенно изгладил всякое воспоминание о нашем осуждении. Тогда сказано: «в болезнях родиши чада» (Быт. 3, 16), ныне рождение безболезненно. Тогда рожденное от плоти было плоть, ныне рожденное от Духа дух есть. Тогда мы родились сынами человеческими, ныне – чадами Божиими. Тогда мы низпали с неба на землю, ныне Небесный соделал и нас небесными. Тогда чрез грех воцарилась смерть, ныне жизнь опять получила владычество чрез правду. Тогда один отверз вход смерти, и ныне Единым же вводится снова жизнь. Тогда чрез смерть мы отпали от жизни,

ныне жизнь упрядняется смерть. Тогда от стыда сокрылись под смоковницею, ныне со славою приблизились к древу жизни. Тогда за преслушание изгнаны были из рая, ныне за веру вводимся в рай. Опять предложен нам плод жизни в наслаждение, по желанию нашему. Опять райский источник, разделенный на четыре начала Евангельскими потоками, напаяет все поле Церкви, и бразды, проведенные Сеятелем слова в душах наших ралом учения, упитываясь оными, дают обильную жатву добродетелей. Что же после сего нам должно делать? – Что другое, как не выиграть подобно горам и холмам, коим возвещал пророк, говоря: «Горы, ...выиграются, яко овни, и холмы, яко агнцы овчии» (Псал. 113, 6)?

Итак, приидите, возвеселимся о Господе! Он сокрушил силу врага, и водрузил для нас победное знамение Креста, поразив противника. Воскликнем тем гласом радости, каким обыкновенно восклицают победители над трупами побежденных. поелику пали полки вражеские, и сам «имущий державу» над злым демонским воинством низложен, истреблен и обращен в ничто, то возопием: Бог наш есть сильнейший Владыка и Царь Великий над всею землею; Он благословил венец лета благости Своея, и собрал нас для сего духовного ликовствования о Христе Иисусе Господе, Которому слава во веки. Аминь.

Примечания

¹ - Здесь, в издании творений святого Григория, на греческом находится пропуск. Слова означенные вносными знаками дополнены по латинскому переводу.

Содержание

Слова на Святую Пасху святитель Григорий Нисский	1
О тридневном пребывании Господа нашего Иисуса Христа между смертью и воскресением («Слово 1-е о воскресении Христовом»)	2
На святую Пасху («Слово 3-е о воскресении Христовом»)	16
На святую и спасительную Пасху («Слово 4-е о воскресении Христовом»)	32
Примечания	34